

Предисловие

В эту книгу вошли статьи, посвященные разным темам и периодам русской литературы. Старые работы, переработанные и дополненные, или новые, только что законченные, — все они оказываются взаимосвязаны. Внутренний стержень, объединяющий их, — определение и уяснение стратегии сдвига, разрушения канонической формы и ее трансформации, будь то светская комедия Грибоедова или идеологический роман Достоевского, отдельное и малоизученное стихотворение или историческая повесть — как пушкинские «Пир Петра Первого» или «Капитанская дочка».

Разрушение канона зачастую влечет за собой шлейф исторических aberrаций — ошибочных атрибуций или основанных на них сознательных провокаций. Так, державинская «Фелица», построенная на игре со «Сказкой о царевиче Хлоре», помешала нахождению действительных прототипов этой сказки, — тех, что Екатерина II имела в виду («Поэтика прототипов: политические контексты сказок Екатерины II»).

Само изображение императрицы Екатерины II оказалось предметом пушкинских рефлексий по сдвигу и разрушению канона, в том числе и переосмысления собственного негативного отношения к императрице. Дискурс исторического романа «в духе» Вальтера Скотта был остранин в эпизоде встречи Маши Мироновой с Екатериной II за счет создания метадискурса, содержащего множество отсылок к разным визуальным рядам и разнообразным литературно-мемуарным источникам («Екатерина II в “Капитанской дочке” А. С. Пушкина»).

Порою идеологические шоры затемняли происходивший сдвиг канона: советский культ В. Г. Белинского помешал увидеть тот факт, что Гоголь переделал повесть «Портрет» (скорее, написал

второй «Портрет») не под влиянием критика, а ориентируясь на разговоры и мнения Пушкина («Второй “Портрет” Гоголя»). Схожая ситуация произошла и с пушкинским «Пиром Петра Первого», воспринятым в парадигме вольнолюбивого «урока царю», в то время как сам Николай I, воспользовавшись поэтическим примером, устроил летом 1836 года морской парад на Неве «по мотивам» сочинения Пушкина («“Пир Петра Первого”: последний “урок царю”?»).

Историко-литературной аберрацией (впрочем, сознательной) был и сюжет вокруг набоковского перевода «Памятника» Пушкина: Набоков оформил перевод в соответствии с гипотезой М. О. Гершензона (отмечавшего «демократические» интерпретации Пушкина), но приписал эту теорию идейному антиподу Гершензона — радикалу В. Л. Бурцеву («Бессмертие в кавычках (В. Набоков — А. Пушкин — М. Гершензон)»).

Одна из линий этого сдвига — это разрушение русского ампира в культурной ситуации 1830-х годов. Ощущению усталости от надоевших античных образцов, вторжению символики раннего христианства в культурный канон посвящена статья «От Афин к Иерусалиму (культурный статус античности в 1830 — начале 1840-х годов)». Обратное движение — увидеть в христианской традиции античный — дионисийский — миф — оказалось характерным для канона русского символизма начала XX века («“Cor Ardens” Вячеслава Иванова: смысл заглавия и эзотерическая традиция»).

Статьи оказываются внутренне соединены их игровой, иногда пародийной, установкой — как связан с «Бедным рыцарем» «Бедный викинг» Вяч. Иванова, использующий форму пушкинского стихотворения для пародирования сочинений В. Ф. Эрна. Московский арбатский круг писателей и философов в разгар Первой мировой войны предстает в неожиданной смеховой стихии, наполненной внутренними спорами и домашней семантикой («Рукописный журнал “Бульвар и Переулок” (Вячеслав Иванов и его московские собеседники в 1915 году)»).

Пародия и игра авторов порой переходят все границы, и стихия либертинажа захватывает одного из самых дерзких ниспровер-

гателей канона князя Д. И. Горчакова, деконструирующего в своих «Святках» двор и царицу Екатерину («Стратегии либертинажа в XVIII веке (князь Д. П. Горчаков и его “Святки”»)). В свою очередь, императрица Екатерина II проявила себя отчаянной вольтерьянкой, демонстративно используя в качестве «лекарств» — во время своего прививочного карантина — чтение сочинений Вольтера.

Вольтерьянцы XVIII века передали эстафету своим литературным потомкам. Тот же князь Горчаков не только помог Пушкину выпутаться из следствия по делу «Гавриилиады», но и своей откровенно эротической «Вирсавией» представил своего рода канву для пушкинских поэтических «узоров». Эти нескромные примеры в свою очередь стали идейной основой для Федора Карамазова, остряка, отпетого циника, чей образ в романе оказался построен на русско-французском либертинском дискурсе («Федор Карамазов как либертин (Ф. М. Достоевский и XVIII век)»).

Русские классики никогда не чувствовали себя в роли гоголевского художника Чарткова. В поисках свободы от канона они меняли, преобразовывали стилевой, жанровый, идейный образец. Воспроизведение канона, автоматизация застывшей формы, разрушение и преобразование, игра с образцом, пародирование канона — анализу этих явлений в русской литературе XVIII — начала XX века и посвящена настоящая книга.

Часть I

ОКОЛО
ДВОРЦОВЫХ
СТЕН

Ты, Муза! с самых древних веков
Великих, сильных человек
Всегда умела поласкать.

Г. Р. Державин. Решемыслу

1

Екатерина II — целительница, или триумф имперского вольтерьянства

Возможно ль было нам то время не грустить,
Как ты отважилась яд в кровь свою пустить...
*М. Херасков. На благополучное и всерадостное
освобождение Ея Императорского Величества
от прививания оспы*

Чуму встречают порядком. <...> Чума — не
общий праздник, а строгие границы.

*М. Фуко. Надзирать и наказывать.
Рождение тюрьмы*

Восемнадцатое столетие в европейской истории ознаменовалось всеобщим падением веры в магические свойства королевской власти — в чудесную силу королевского касания, «исцеляющего» недуги. Короли-целители, налагающие всемогущую руку на гнойные чирьи золотушных больных, раздающие чудесные облатки или вешающие на шею больного врачующую монетку, повсеместно выходили из моды. В 1714 году, после смерти королевы Анны, в Англии был отменен этот старинный ритуал. Одновременно с падением престижа королевского магизма в Англии происходило укрепление власти парламента. Реальная политика вытесняла сверхъестественную демонстрацию власти. Во Франции процесс десакрализации власти затянулся, несмотря на насмешки философов и переходящее все границы распутство Людовика XV. Современники острили, что его любовницы все же умирают от золотухи, несмотря на то что король их «касался». В 1774 году, после

обычного визита в Трианон для встречи с 16-летней девицей, предоставленной ему графиней дю Барри, король заразился оспой и вскоре скончался. Через три дня умерла и юная подруга короля, наградившая его этим смертельным вирусом. Смерть монарха-«целителя» от оспы в эпоху практики инокуляции вызвала саркастический отклик Екатерины II, писавшей Мельхиору Гримму 19 июня 1774 года: «Стыдно Французскому королю, в XVIII столетии, умереть от оспы» [Екатерина II 1874: 408]¹.

Короли не только были не в состоянии поддерживать репутацию «главного врача нации», но все чаще сами оказывались подвержены эпидемическим заболеваниям, от которых умирали простолюдины. Настоящим бичом XVIII века в Европе стала оспа — неожиданно бурный всплеск этой болезни не обошел практически ни одного королевского дома. В 1711 году от оспы умер габсбургский император Иосиф I. За несколько дней до его смерти от той же болезни скончался сын Людовика XIV и наследник французского престола. В 1724 году оспа сразила короля Испании — Луиса I [Hopkins 1983: 54].

Злосчастная болезнь вмешалась в и без того запутанные дела русского престолонаследия. В 1730 году 14-летний царь Петр II, внук Петра Первого и сын царевича Алексея, умер от оспы, заразившись от своей невесты Екатерины Долгорукой. В 1741 году умерла от оспы королева Швеции Ульрика Элеонора, приведя в смятение два двора (русский и датский), притязавших на объявление удобного им наследника. Елизавета Петровна, как известно, всю жизнь оплакивала потерю своего жениха — Карла-Августа Гольштейн-Готторпского, также сраженного этой болезнью. Ее племянник Петр III за несколько недель до приезда невесты, будущей Екатерины II, заболел оспой, выжил, но был настолько обезображен оспенными рубцами, что Елизавета Петровна приказала устроить первую встречу жениха и его немецкой невесты в полутемной комнате.

¹ Вольтер в статье «О смерти Людовика XV и о судьбе» («De la mort de Louis XV et de la fatalité», 1774) противопоставляет «непросвещенному» французскому королю русскую царицу Екатерину, совершившую цивилизаторский подвиг [Voltaire 1879: 300].

В 1760-е годы оспа вновь посетила австрийский двор. Сын королевы Марии-Терезии, будущий Иосиф II, потерял беременную жену Изабеллу. В 1767 году от оспы умерла его вторая жена, а затем и сестра. Сама Мария-Терезия переболела оспой и чудом осталась жива.

В 1768 году от оспы скончалась графиня А. П. Шереметьева, невеста Н. И. Панина. Близость болезни и смерти настолько потрясла Екатерину, что она решилась прибегнуть к самому современному методу борьбы с натуральной оспой — привитию оспенного «материала», или инокуляции. При этом императрица сразу же объявила, что будет первой в стране, кто на собственном опыте проверит действенность нового метода, против которого восставало все ее окружение. Во Франции инокуляция была вообще запрещена, поскольку церковные круги полагали, что она противоречила религиозному представлению о Провидении.

Позднее, после выздоровления, Екатерина торжественно рапортовала Фридриху II (также противнику инокуляции) о причинах, побудивших ее начать с себя:

С детства меня приучили к ужасу перед оспой, в возрасте более зрелом мне стоило больших усилий уменьшить этот ужас, в каждом ничтожном болезненном припадке я уже видела оспу. Весной прошлого года, когда эта болезнь свирепствовала здесь, я бегала из дома в дом, целые пять месяцев была изгнана из города, не желая подвергать опасности ни сына, ни себя. Я была так поражена гнусностью подобного положения, что считала слабостью не выйти из него. Мне советовали привить оспу сыну. Я отвечала, что было бы позорно не начать с самой себя и как ввести оспопрививание, не подавши примера? Я стала изучать предмет, решившись избрать сторону наименее опасную. Оставаться всю жизнь в действительной опасности с тысячами людей или предпочесть меньшую опасность, очень непродолжительную, и спасти множество народа? Я думала, что, избирая последнее, я избрала самое верное².

² Цит. по: [Соловьев 2002: 364]. См. также: [Екатерина II, Фридрих II 1877: 246].

Текст письма звучал как страница просветительского романа, повествующего о победе здравого смысла, человеческой смелости и научного знания над предрассудками, страхами и недугом. Между тем смелость Екатерины подкреплялась не только «личными» свойствами характера, но и ясно осознанной политической стратегией, совмещавшей одновременно секулярный и сакральный аспекты.

Во-первых, императрица была не первой из коронованных особ, кто привил себе оспу. В 1768 году, незадолго до Екатерины, в Вене в Габсбургском семействе успешно была проведена инокуляция — она-то и вдохновила императрицу последовать европейскому примеру. Во-вторых, решение сначала привить оспу себе, а уже потом Павлу мотивировалось не только и не столько материнской заботой. Привитие оспенного «яда» наследнику могло спровоцировать слухи об отравлении — предубеждение народа против прививки было чрезвычайно велико. В свое время неожиданная смерть Петра II от оспы породила подобные слухи, — тем более что после кончины Екатерины I разгорелась яростная борьба за престол и за влияние на юного царя между несколькими политическими группировками. Екатерина II явно не желала провоцировать и малейшего намека на возможность исторических параллелей. В-третьих, ставшая очевидной перспектива войны с Турцией, постоянным источником эпидемий в Европе, толкала императрицу на этот шаг. Наконец — и это было самым важным — сама процедура оспопрививания была превращена Екатериной в торжественный и даже священный акт спасения отечества от губительной болезни-«змии», от ужасного «дракона», пожирающего людей. Символический «капитал» инокуляции, исцеления и спасения всей нации, был огромен и сопоставим лишь с победой в войне.

12 октября 1768 года английский врач Томас Димсдейл с сыном-ассистентом привил Екатерине оспу, взятую от переболевшего оспой мальчика Александра Маркова. Приглашенный с большими почестями врач предварительно подписал контракт, по которому он не должен преследоваться в случае смертельного исхода процедуры. Более того, для него была приготовлена спе-

циальная карета, в которой он мог незамедлительно бежать из России от «народного гнева». После нескольких недель затворничества в Царском Селе и легкого недомогания Екатерина выздоровела. Теперь уже ее оспенный «материал» был использован для инокуляции Павла — 10 ноября 1768 года оспа была успешно привита наследнику престола. Врач Димсдейл был пожалован баронским титулом, званием лейб-медика, чином действительного статского советника, а также пенсией в 500 фунтов стерлингов. Мальчик Александр Марков получил дворянство и почетную добавку к своей фамилии — Марков-Оспенный. В память об инокуляции знаменитым медальером И. Т. Ивановым была выбита медаль: в центре ее изображалась императрица, держащая за руку цесаревича Павла, рядом — женская фигура со склоненной головой — символ благодарной России, а около нее — двое детей, простирающих руки к императрице. Справа изображен был храм, а у его ступеней — поверженная «гидра предубеждения». Надпись гласила: «Собою подала пример». Под образом было начертано: «Октябрь 12 дня 1768 года».

Спасение нации было осмыслено прежде всего в библейской парадигме. В ответ на торжественные речи сенаторов, установивших 21 ноября — день возвращения выздоровевшей Екатерины в Петербург — «табельным» праздником, сама царица отвечала: «Мой предмет был своим примером спасти от смерти многочисленных моих верноподданных, кои, не зная пользы сего способа, оного страшая, оставались в опасности. Я сим исполнила часть долга моего, ибо, по слову Евангельскому, добрый пастырь полагает душу свою за овцы»³. Екатерина всячески подчеркивала мессианский элемент этого события — в акциях и символических жестах, предназначенных для «внутреннего пользования». В этот день служилась литургия в дворцовой церкви, а церковные иерархи произносили торжественные речи под переливы звонивших по всему Петербургу колоколов.

Василий Рубан, тогдашний переводчик при Правительствующем сенате, сочиняет «Оду на день всерадостнейшаго торжества на

³ Цит. по: [Соловьев 2002: 365].

предпринятый и благополучно совершившийся к неопisanному счастью вся России, Ея императорскаго величества и Его императорскаго высочества в привитии оспы подвиг, 22 ноября 1768 года»:

В священных книгах зрим Исхода
Избранных божиих людей,
Что бывший вождь сего народа
Муж богомудрый Моисей
В пустыне взнес на древо змея,
Чрез то Христа проразумея,
К всему народу говорит:
Кого из вас змея укусит,
Конечно смерти тот не вкусит,
Когда на образ сей воззрит.

Теперь в тебе Екатерина
Спасения мы образ зрим.
И твоего любезна сына
Спасительным примером чтим.
Вдалися Вы в опасность жизни,
Для безопасности Отчизны,
Для целости рабов своих.
На Вас Россия вся взирает,
Всех жизней целость полагает
В безвредной жизни Вас двоих.

Для избавления России
Екатерина, ты дана,
В концах Европы и Азии
Земным Ты богом почтена.
В Тебе зрим божеския свойства,
И видим дух в Тебе геройства
С величеством соединен:
В Тебе премудрость, прозорливость,
С щедротой купно справедливость
И кроткий нрав в Тебе вмещен
[Рубан 1768: 2–3].

Стихотворение Рубана было основано на изощренной метафоре, почерпнутой из Библии. В «Числах» описывается эпизод

спасения Моисеем «сынов Израилевых» от «ядовитых змеев» во время бегства из Египта:

От горы Ор отправились они путем Чермного моря, чтобы миновать землю Едома. И стал малодушествовать народ на пути, и говорил народ против Бога и против Моисея: зачем вывели вы нас из Египта, чтоб умереть нам в пустыне, ибо здесь нет ни хлеба, ни воды, и душе нашей опротивела эта негодная пища. И послал Господь на народ ядовитых змеев, которые жалили народ, и умерло множество народа из сынов Израилевых. И пришел народ к Моисею и сказал: согрешили мы, что говорили против Господа и против тебя; помолись Господу, чтоб Он удалил от нас змеев. И помолился Моисей о народе. И сказал Господь Моисею: сделай себе змея и выставь его на знамя, и ужаленный, взглянув на него, останется жив. И сделал Моисей медного змея и выставил его на знамя, и когда змей ужалил человека, он, взглянув на медного змея, оставался жив (Чис. 21: 4–9).

Чудесное исцеление от «ядовитых змеев» с помощью «медного змея» на знамени — очередной дидактический знак, свидетельствующий о необходимости веры человека в божественную силу. Усомнившиеся в Господе маловерные и грешные люди оказываются легкой добычей несущих смерть «змеев», а метонимическое действие (вместо «змея» его обезвреженная «часть» — медное изваяние) спасает их от этой смерти. Моисей и его «медный змей» оказываются инструментами божественного могущества и чудесной целительной магии.

Медный змей Моисея становится метафорой «противоядия» (часть яда исцеляет от ядовитого укуса), уподобленного Рубаном оспенной инокуляции, только что успешно проведенной Екатериной в России. Екатерина — с характерной для барочных од системой множественных аналогий — уподобляется и Моисею, и Христу одновременно. «Мудрость» Моисея и «божеския свойства» чудесного врачевания делают ее «земным богом», как прямо и называет ее Рубан.

Сходная аналогия прозвучала и в сочинениях Василия Майкова. В «Сонете ко дню празднования о благополучном выздо-

ровании от прививной оспы ея императорского величества и его императорского высочества, придворного российского театра актерами» Майков, написавший и стихи, и сценарий специального театрального представления, от лица Талии и Мельпомены провозглашал:

Растайте, снега, днесь, умолкни, непогода,
Преобратись, зима, в весенне существо,
Раскиньтесь на полях, цветочки разна рода,
И пременися, лед, в водное вещество.

Внимая нашему веселию, природа,
Соедини свое ты с нашим торжество,
Почти Минерву тем российского народа,
Спасительницу всех и наше божество.

Настала ею дней ужасных перемена;
Два раза ею вся Россия спасена;
Порок и гидру в ад низзинула она.

Здесь ею смертные от пагубы спаслись,
Науки и закон высоко вознеслись:
Се Талия гласит и с нею Мельпомена
[Майков 1867: 55].

Оспенное деяние, таким образом, метафорически еще раз легитимизировало власть Екатерины II, противящейся передаче ее в руки Павла. Важным было и то, что Екатерина первой испытала прививку, а уже потом привила оспу сыну, и дело было не только в героических или материнских чувствах. Она, как и во время переворота 1762 года, прошедшего под знаком избавления отечества и сына-наследника от тирана Петра III, стремилась подчеркнуть и свою «спасительную» миссию в отношении к сыну, и свое первенство в праве на это «спасение», то есть на трон.

Екатерина откровенно приветствовала тогда подобные божественные аналогии — в особенности адресованные русской аудитории. Более того, она усилила сакральные коннотации своего деяния, начав раздавать свой «материал» (часть собствен-

ного тела!) для дальнейшего прививания. Взятая от привитой императрицы оспенная материя была передана ее ближайшему окружению: «тело» царицы получили приблизительно 140 человек, все — представители русской аристократии.

Успех настолько ошеломил общество, что процедура сделалась модой. Верхушка аристократии торопилась принять часть «тела» императрицы — прививку желали делать даже те, кто переболел натуральной оспой. Екатерина, стремившаяся к широкой международной огласке своего целительного действия, писала графу И. Г. Чернышеву, русскому послу в Англии, 17 ноября 1768 года:

Ныне у нас два разговора только: первой о войне, а второй о прививании. Начиная от меня и сына моего, который также выздоравливает, нету знатного дома, в котором не было бы по несколько привитых, а многие жалеют, что имели природную оспу и не могут быть по моде. Граф Григ. Григ. Орлов, граф Кирилл Григ. Разумовский и безчисленных прочих прошли сквозь руки господина Димсдаля, даже до красавиц, как княжны Щербатова и Трубецкая, Елизавета Алексеевна Строганова и многие, коих долго прописать было, покорились сей операции. Вот каков пример. Месяца с три никто о сем слышать не хотел, а ныне ни сие смотрят как на спасение⁴.

Раздавая свое тело и кровь во спасение нации, Екатерина ассоциировала себя с Христом, предвидящим жертвенную миссию распятия во время Тайной Вечери: «И, взяв хлеб и благодарив, преломил и подал им, говоря: сие есть Тело Мое, которое за вас предается; сие творите в Мое воспоминание. Также и чашу после вечери, говоря: сия чаша есть новый завет в Моей Крови, которая за вас проливается» (Лк. 22: 19, 20). Неслучайно в ее уже процитированном выше ответе на торжественные речи священников прозвучало «скромное» указание на то, что она действовала «по слову евангельскому» и что это «часть долга звания моего». Важно было подчеркнуть сакральность правления не-

⁴ Цит. по: [Бекасова 1996: 21].

лигитимной императрицы (и главы церкви!), поступающей «по евангельскому слову».

Для театрального представления по случаю празднования избавления от оспы, в ноябре 1768 года, Майков пишет еще одно сочинение — Пролог в пяти явлениях «Торжествующий Парнасс». Название явно отсылало к известному празднику «Торжествующая Минерва», организованному в Москве в январе 1763 года по случаю восшествия Екатерины на престол. Характерно, что жанр театрального представления и стихов к нему переключал всю символическую машину в иной — барочно-мифологический — регистр.

Действие нового торжества происходит на Парнасе, однако «вдали виден Санктпетербург, над которым ужасная мгла, гром и блистания молнии» [Майков 1867: 494]. Вскоре мгла исчезает, и восходит солнце:

Разсыпалася мгла в приятной нам стране,
Сияет град Петров пресветлыми лучами
[Майков 1867: 494].

Сама оспа предстает в Прологе Майкова в виде ядовитого чудовища:

Извергнутое в свет
Чудовище из ада
Стремится, и по нем везде плачевный след:
Содроглись родители и чада,
Летит чудовище и воздух вьет,
И ядовитым весь дыханьем заражает,
Всех в гнев поражает,
Ни мало не щадя ни возраста, ни лиц,
Ссекает юношей, младенцев и девиц,
Мужей отважных презирает,
Разит и трупы попирает;
Лишились многие друзей, невест и чад.
Пылает град,
Исполнен воздух воя,
С чудовищем сразиться нет героя...
[Майков 1867: 495]

Екатерина, «росская Паллада», вступает в поединок с чудовищем — и побеждает его:

Чудовище, вострепетав
И пред богинею упав,
Дрожало.
Богиня из него исторгла смертно жало,
И сей грозящий страх
Развеян ею, яко прах
[Майков 1867: 496].

Поединок царицы с ядовитым чудовищем в этом театральном представлении соотносится не с библейским текстом, но с греческим мифом — он уподоблен второму подвигу Геракла, победившего Лернейскую гидру, которая отравляла окрестности своим ядовитым дыханием. В мифологической версии победы Екатерины над оспой важным оказывается секулярный, просветительский, итог деяния — побежденный страх. Победа над оспой — это победа просвещенного ума над тьмой страхов и предрассудков.

Важны, однако, были и политические импликации сопоставления Екатерины с Гераклом. В европейской (в первую очередь французской) придворной культуре существовала мощная традиция уподобления монархов Гераклу [Yung 1966]. В XVI веке Генриха IV постоянно изображали в виде Геракла на монетах, на триумфальных воротах, на придворных декорациях к празднествам [Vivanti 1967]. Одним из наиболее частых было изображение монарха как Геракла, побеждающего Лернейскую гидру. Геракл ассоциировался с победой над враждебными силами, а в эрудитских компиляциях XVI века был создан культ Геракла — исключительно мудрого властелина, сильного не столько телом, сколько разумом и поддержкой законов и искусств [Vivanti 1967: 184–185]. Соответствующая традиция была усвоена и русской барочной культурой (так, уже в ранних панегириках Петр Первый именуется «новым Геркулесом») [Гребенюк, Державина 1979: 136].

Праздничные стихи Майкова из Пролога продолжали ту же традицию, ассоциируя Екатерину одновременно и с мифологи-

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru